

Нонна
ПРИХОДЬКО

Два Пьеро, или... шаг на сцену

Из воспоминаний
провинциальной актрисы

Моск. правда. - 1996. - 9 авг. - с. 3

Иногда воспоминания пишут, едва распрощавшись с юностью. Торопят вздыхать об ушедшем, вместо того чтобы, одолевая тяготы, добиваться поставленных целей, которые у всякого свои. Но настоящий возраст воспоминаний начинается, конечно же, позже. Моя мать - жизнелюбивая и активная - всю жизнь трудилась. Была актрисой в Одесском театре революции, на эстраде. Дружила с Яхонтовым. Во время войны с концертами выезжала на Ленинградский, на 4-й Украинский фронт. Выростила двоих сыновей и богоданную дочь, чьи родители были убиты гитлеровцами. А писать воспоминания стала, когда поняла, что очевидцев давно минувших дней детства и юности и не осталось почти никого. Ныне ей 87 лет.

Владимир ПРИХОДЬКО.

Помню себя с очень раннего возраста: отдельные эпизоды, обстановку, впечатления. Совсем малышкой я начала ходить и разговаривать. Меня называли девочкой-скороспелочкой. В восемь месяцев я уже бодро вышагивала по комнате и хорошо помню, как у меня болела ручка, за которую тщеславные родители водили меня на прогулку. Особенно трудно было ходить с папой: он был высокого роста. Вижу и комнату бабушки и дедушки: русская печь, где бабушка пекла хлеб и блины; против печи стоял некрашенный стол, покрытый суровой скатеркой; когда со скатерки стряхивали крошки после еды, я водила и хлопала руками по гладко выструганным доскам. Это было приятно. Потом старики переехали в Киевский кадетский корпус, где дед стал работать воспитателем-дядькой; комната, в которой они стали жить, тоже была бедной, в полуподвале, с толстыми, почти метровой толщины, стенами, но вдвое больше прежней. Подоконник был сильно покатым, на него ничего нельзя было положить, до окна

не дотянуться. Чтоб открыть занавеску, пользовались бамбуковой палочкой с двумя рожами на конце.

Мой дед был потомственный дворянин - из богатой, но разорившейся семьи. Нужду тщательно скрывали. Шестнадцати лет, бросив гимназию, он ушел из дома. Приехал в Киев и, скрыв свое дворянство, пошел рабочим на завод Гротера. Женился на неграмотной крестьянской девушке по большой любви. Это была идеальная семья. Дед умер в 19-м, прожив 62 женой 35 лет и до последнего часа сохранив к ней нежность. Он научил ее читать, и бабушка могла часами, очень медленно, читать Евангелие и Библию; «светских книг», как она говорила, для нее не существовало. Я не помню, чтобы бабушка когда-нибудь рассердилась или повысила голос. Бранные слова полностью отсутствовали. Мама рассказывала мне, что она, в три года, увидев, что бабушка взяла горячую кастрюлю, закричала: «Мамочка, дурочка, возьми тряпочку, ручки попечешь!». Ну и досталось же ей за эту «дурочку». Бабушка долго распекала ее и

часто потом напоминала о такой грубости своей малолетней дочке. И мама запомнила это на всю жизнь.

Когда мне было полтора года, мне сделали первую елку. Елку принес дворник. Папа вышел на его стук, а я побежала за ним. Мама подхватила меня на пороге: «Нельзя, Нонночка! Там чучело!». В первый день Рождества мама взяла меня на руки и понесла осматривать елку. Игрушки, фонарики, свечи... Все сверкало, я была в восторге. Мама стала наряжать меня в праздничное платье, натягивать чулочки. И вдруг, показывая на елку, я спросила: «А что это?». «Елочка, я ведь тебе, Нонночка, сказала. Елочка!». И услышала лукавый ответ: «А я думала - чучело».

Я научилась читать, в последний раз оправдав свое название «девочки-скороспелочки», в три года; в четыре мне вы-

писали журнал «Задушевное Слово». Летом были каникулы в чтении, но осенью меня невозможно было оторвать от этого журнала. Я садилась на маленькую скамеечку с дырочкой для руки посредине, чтоб удобней было переносить. Крала на стул, как на стол, «Задушевное Слово» и могла читать по целым дням. Потрясение от чтения было так велико,

что я могу сравнить его только с потрясением от первого кинофильма. У меня горели щеки. Я не слышала вопросов. Не отвечала. Я подолгу не могла говорить. Это я-то, болтушка Нонночка! Отец решил, что от такого чтения проку мало; заставлял меня читать ему газеты, а журнал больше не выписывали. А в кино впервые я пошла, когда мне было лет девять; но папы уже не было, и в мое воспитание он вмешаться не мог.

Два года шла война. Бабушкина племянница Палашка была замужем за лесником Гордеем. Жила в десяти верстах от села Страхолесье. Чудесный черниговский лес! Мы ездили туда несколько раз, последний - с папой - во время войны, в 16-м году. По дороге сделали небольшой крюк и заехали в крошечную деревеньку. Посмотреть на человека, которому сто два года. Гордей не успел еще остановить лошадь у нужного дома, как папа прыгнул с брички. Я за ним. Мама с Юрочкой остались в бричке. Румяный старик во дворе колот дрова. Волосы у него были белые, как у моей куклы. Поздоровавшись с папой, по-

ладив меня по головке, старик стал рассказывать о своей жизни. Я играла в перегадки с его прапраправнуками. Один из них был без штанишек (как не стыдно!). Я ничего не слышала. Затем мы поехали дальше, а старик, мерно поднимая/топор двумя руками, раскалывал полено. Папа был в восторге. Покачивал головой:

- Сто два года, а еще дрова колет. Подумать только!

Ему самому шел тридцать первый, он был больным, слабым человеком. И в армию его не взяли. В 1917 году на лето мы никуда не поехали. В октябре, проболев несколько месяцев, папа умер. А я начала невероятно бояться, что умрет мама. Не принуждаемая никем, каждый вечер молилась Богу. «Дай Бог, чтобы мама не умерла. Боженька, спаси маму». Молилась по долгу, неистово, повторяя те же слова. Потом это прошло.

Молиться меня учила бабушка. Но учила в раннем детстве, года в два-три, пока не взбунтовался папа. Он считал, что вопрос о существовании Бога человек должен решать для себя сам, будучи взрослым. А страх за маму шел со мной всю жизнь, до самой ее кончины в сорок девятом году.

Какой только власти не видел Киев в годы гражданской войны. Деникинцы, поляки, немцы, махновцы, Красная армия сменяли друг друга. Мы жили по тогдашним понятиям далеко от центра, от Крещатика. И на постой солдат к нам почти не ставили. Но один случай помню. Шли бои. К нам в пятиквартирный деревянный дом пришла переночевать группа красноармейцев. По одному поместили в

каждой квартире. Мама постелила солдату в столовой. Он поставил в угол винтовку и свалился. «Очень устал», - сказал он. Когда мы утром проснулись, солдат уже потихоньку ушел. А к нам с криком прибежала соседка: «Ой! Идите, посмотрите: у меня в кровати тысяча вшей. Да у вас, наверно, то же самое». Мама отбросила одеяло, аккуратно покрывавшее тахту - все чисто, нигде ничего. Позже, в складке наволочки, она нашла одно насекомое. Но когда мы вышли в кухню, в помойном ведре, до половины налитом водой, шевелилась сплошная серая корка вшей. Как же часто, с благодарностью и с умилением, вспоминала мама этого солдата.

В 16-м году меня отдали в самую лучшую частную гимназию Жекулиной. В старший подготовительный класс (был еще младший). Каждый год я перешла в следующий, но в это трудное и смутное время учеба шла через пень-колоду. Неразбериха была полная.

Детей богатых родителей в школе было много. Разница между нами ощущалась болезненно. Какие-то старшие девочки в уборной на перемене вдруг издавательски спросили меня: «Девочка, зачем ты надела мамини чулки?». Я смутилась, не нашла, что ответить, а затем плакала в коридоре. Я пропустила полтора года: вторую половину четвертого класса и весь пятый. Пробелы в образовании чувствую до сих пор. Я, например, никогда не учила грамматики, кажется, не знаю ни одного правила, мой сын упрекает меня в грубых ошибках... Но в шестом классе случилось событие, сыгравшее решающую роль

в моей жизни. Учительницей русского языка и литературы у нас была Ольга Николаевна Орлова. В классе было холодно. Топилась буржуйка. Мы, отталкиваясь ногами, сдвигали парты вокруг печки. А Ольга Николаевна читала нам рождественские повести Диккенса, стихи и переводы Жуковского - «Рустем и Зораб», «Наль и Дамаянты». Конечно, Пушкина. У нее был красивый голос, великолепная дикция. Ее дочь, тогда совсем девочка, сделала в последствии яркой поэтессой Ольгой Анстей, изданной, к сожалению, пока только в русском зарубежье, и женой поэта Ивана Елагина. Так вот, однажды Ольга Николаевна, придя на урок, вынула из портфеля томик Ростана и сама прочла нам «Два Пьеро, или Белый ужин». И предложила поставить эту пьесу, «как в театре». Мы завопили «ура» и захлопали в ладоши. «Я уже и роли распределила», - сказала она. - Колумбину сыграет Ривочка Казначей, плачущего Пьеро - Нонна Приходько. Веселого Пьеро - Таня Карышева». Для меня и для Ривы это было полной неожиданностью. А Таня Карышева была у нас самая хорошенькая и способная и, если удивилась, то только потому, что, может быть, думала, что получит роль главной героини, Колумбины.

Авторитет Ольги Николаевны был велик. Никто не возражал. Мы мгновенно выучили наизусть всю пьесу (я и сейчас помню ее всю). Начали репетировать. Учительница была довольна. Как прошел наш спектакль?

Не знаю. Я была как во сне. Хорошо ли я играла, не знаю тоже. Но когда вскоре надо было сыграть роль заболевшей девочки, класс единодушно выбрал меня. Повод был такой. Мы решили инсценировать какое-то заболевание: надеялись, что школу возьмут на карантин и уроков не будет. Как и теперешние дети, мы были рады несколько дней не учиться. На уроке я должна была сделать вид, что плохо себя чувствую. Попросить разрешения выйти и на пороге упасть в обморок. Почему моя болезнь должна была начинаться с обморока, неизвестно. Но кто над этим думал... Просто нам всем понравилось играть в театр. В классе распределили и другие роли: все должны были охать, ахать, высказывать всякие предположения. Обморок был разыгран так натурально, что ребята, разработавшие сценарий, поверили, что я и вправду потеряла сознание. Меня отвели домой. Несколько дней я не приходила на уроки. На администрацию школы все это впечатление не произвело. Решили, что я ослабла от недоедания. И все остальные нормально занимались. Однако меня никто не выдал.

Может быть, тогда и началась моя актерская жизнь. Осенью 27-го года бывшая «девочка-скороспелочка» успешно сдала экзамен в театральный техникум. А еще через несколько лет стояла на эстраде в Киеве и Харькове, читая Пушкина, Чехова, Мопассана.

Шеф-редактор Ирина СУХНЕВА.
Телефон 256-95-22